

Сокуров Алекс.

17/VII-87

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ СЕАНСА

Восп. Ленинград 1987 17 июля 87.

Третьего не дано

Любому произведению искусства либо есть отклик, либо нет. Третьего не дано. И то, состоится ли диалог, в небольшой степени зависит от человека — читателя, зрителя...

Мы уже знакомили вас с кинорежиссером Александром Сокуровым. Да и сами вы, быть может, посмотрели его картину «Скорбное бесчувствие» — первую, что вышла на экраны из полутора десятка фильмов, созданных этим автором. Если посмотрели, уверена — безучастными не остались: и те, кто принял картину как «свою» и теперь ждут иных работ режиссера, и те, кто возмутился ею.

Впрочем — обращаюсь к последним — не спешите выносить приговор. Даже если вы в гневе, «оглянитесь». Есть возможность проверить свои впечатления. В киноцентре «Ленинград» каждый день на сеансе в 19.30 идут еще три фильма Сокурова, сделанные им на ЛСДФ при содействии Союза кинематографистов СССР. Один называется «Элегия» (1985, 1986 гг.), другой — «И ничего больше» (1982, 1987 гг.), третий — «Жертва вечерняя» (1987 г.).

Рискует ли киноцентр, зная, что «Скорбное бесчувствие» пока не имело многомиллионной аудитории? Нет — ибо ретроспектива Сокурова весной собирала тут полные залы и приходилось назначать дополнительные сеансы, а на встрече с режиссером ему было столько

записок с вопросами, чтоемой публика возвращалась за полночь.

Среди этих вопросов был и такой: «Сумели бы вы сделать жизнерадостный фильм?». Ситуативно точный, ибо почти все фильмы Сокурова — трагедии, вопрос кажется мне наивным, что ли. Ибо я вижу в его картинах ту редкую веру в жизнь, которую нынче не часто встретишь. Веру осмысленную, не боящуюся знания всего того ужаса, что навлекло на себя человечество, и оттого не детски-ликующую, не пусто — бодряческую, не лицемерно-показушную, но твердую и последовательную.

Преодоление трагедии — вот в чем видится мне суть всех фильмов режиссера.

В «Одиноким голосе человека» — порывистой, как вздох, надеждой, неизбежно возникающей в финале: возможны и любовь, и понимание, и единение, и счастье.

В «Скорбном бесчувствии» — острой жалостью к этим людям, сухим, плоским, как марионетки, которые словно дергаются за ниточки сами себя и друг друга, да так, чтобы побольше. И, спасаясь как могут, разыгрывают на фоне театра военных действий свой собственный театр абсурда. Три пары чистых-нечистых унесет от нас в океан на купце плотике вероятности возрождения, чтобы мы никогда не увидели их больше, а только узнавали — в себе.

В «Ампире» же трагедия преодолевается тонкой иронией игры в стиль и — тут же — откровенным юмором (похоже, единственный подобный эпизод среди всех картин).

В «Жертве вечерней», построенной на документальном материале, верить позволяет наряду с финальным пением лицо женщины в троллейбусе. И именно потому, что — женщины...

А в самом, наверное, тяжелом фильме — «Лето Марии Войновой», также документальном, рассказывающем о горькой жизни и смерти одной из наших, как принято говорить, «простых современниц», есть слова режиссера о том, что он снова вернется в эту деревню и расскажет нам, как идет жизнь дальше. Главное — жизнь идет.

Однако довольно: многие из этих картин пока видели только те, кому удалось попасть на ретроспективу. Правда, «Одиноким голосом...» по рассказам Андрея Платонова будет в кинотеатрах осенью.

Но вот — «Элегия», тридцатиминутная элегия о Шаляпине. Трагедия гения, лишившегося родины. Край мрачной бездны — что за ним? Необратимые поступки. Осознание. Отчаяние. Творчество. И — бессмертие... Кадры художественного фильма, где Шаляпин — Дон Кихот, известны. Но режиссер дает их так, что мы видим звуковую дорожку — мы «видим» голос. Выкадровывает горло, очень крупно —

горло Шаляпина. И мы вглядываемся в клочкотение божественных звуков и вслушиваемся в ритм железнодорожных шпал. Голос укрощает пространство и время, он побеждает нищету и богатство, он сулит жестокие прозрения и сладкие страдания в будущем. То есть он оказывается необходимым нам среди нашей жизни, так неожиданно близкой элегии...

И только с одним фильмом Сокурова я «не могу справиться» — если продолжить говорить о преодолении трагедии. Картина «И ничего больше» о том, что «бездны мрачной на краю» сейчас — все человечество. И временем оставлен только один, лишь один выход: или мы в мире сотрудники и способны договориться, или черный холодный космос поглотит нас — русских, американцев, англичан, японцев, французов, немцев... Ни упование на гениев, ни надежда, ни красота и природа, ни ирония и юмор, ни молитва — ничего не останется и ничто не спасет. Увернуться невозможно, верить, что «пронесет», невозможно, рассчитывать на самосовершенствование невозможно: вступил в силу закон очень больших чисел, и третьего не дано.

«Третьего не дано» — так можно перевести латинскую фразу, которая стала тоже названием фильма.

Выбора нет. Значит ли это, что шанс ничтожен? Напротив, картина, рассказывающая о со-

трудничестве стран антигитлеровской коалиции в годы второй мировой войны, протестует: шанс велик. Надо «лишь» отказаться от стереотипов, от школьного понимания истории. Надо «только» научиться воспринимать людей как людей, а не как представителей иного социального строя. Блестяще это делает сам фильм: военная хроника, многие кадры которой, кстати, были прежде неизвестны нам, подобрана и смонтирована так, что героине — не танк и не подлодка, не зенитка и не бомбардировщик, а — человек. Вот на Ялтинской конференции Рузвельт держит шляпу, а на нее «смотрит» наш солдат из почетного караула. Какой-то, английский кажется, матрос заткнул уши от взрыва. Глаза ребенка, над раненой рукой которого хлопочет врач. И даже Гитлер, сидящий в «ожидании» неминуемого возмездия, оказывается тоже человеком — понятно, я пишу это слова в данном случае с самой маленькой буквы...

Опытный зритель, зная, как снимали фронтовые операторы, поймет, что именно сделал Сокуров и с изображением, и со звуком ради достижения эффекта художественного фильма. Вообще то, как фильмы сделаны, — предмет особого разговора. Но сейчас о другом. Ядерного взрыва в фильме нет. Есть японка, смеющаяся, что-то там вышивающая японка. Стежок за стежком. Таким мог бы быть символ вечности: стежок за стежком.

Трагедия еще впереди. Режиссер Сокуров знает это. И я, зритель, знаю. И, как всегда, сожалею — от меня прошлое не зависит, — не хочу верить, что она произойдет.

Ольга ШЕРВУД